

Спящая молодая женщина

Мария Шумская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Шумская
Спящая молодая женщина

«Автор»

2026

Шумская М.

Спящая молодая женщина / М. Шумская — «Автор», 2026

Отличница, красавица и «некромантка». Его идеальная «первая любовь» оказалась «больной девочкой», но весь мир упорно делает вид, что никакой проблемы нет и «все нормально». Один лишь тайный обожатель, который ходит по пятам за ней, случайно обнаруживает тайну и распутывает клубок зависимости, боли и обмана. Прекрасная и полная успехов жизнь является на деле маскарадом, где все не то, чем кажется на первый взгляд. Вячеславу, ироничному, но мечтательному юноше, приходится бороться с «колдовскими чарами», которые сделали его избранницу всего лишь пленницей картины Константина Сомова «Спящая молодая женщина». Только проклятье в книге вовсе не мифическое, а вполне реальное. Любовь становится остросюжетным криминальным детективом с неожиданной развязкой.

© Шумская М., 2026

© Автор, 2026

Мария Шумская

Спящая молодая женщина

Спящая молодая женщина

Глава 1

«В чреве Левиафана слов

Как найти и забрать улов?»

Ну допустим, это еще ничего, а дальше...

«Как тебе рассказать тоску,

Если я...»

Хм... Постоянно лгу? Ничего не могу? Угодил в строку и не могу оттуда выйти? Ага, как в туалете шпингалет заклинило. Дааа, хреновый из меня поэт. Но возлюбленный - еще хуже. Меня ведь нет.

Идея записать все это - не худшая из моих идей. Теперь, воображаемый читатель, ты хотя бы знаешь, с кем имеешь дело, и можешь остановиться. Но я лишен такой спасительной возможности, ведь больше мне поговорить не с кем. Ты можешь завести подружку или хомячка, одно другому не уступает, но я-то знаю, что цена им - прошлогодний снег, были и след простыл, так что незачем тратить драгоценное время на преамбулы и ритуальные танцы с целью наведения мостов (орудий?). Можно же сразу начать с конца, с того, до чего «дружеские посиделки» не доходят, с того, что реально меня волнует, а не с этих вот «как дела» и «где ты этот адон взял?». Да похеру мне на эти адоны, честно, когда вижу, как ветер играет кружевом и подбрасывает подол, а она удивляется каждый раз так естественно, будто впервые проводит рукой по ветру, ищет его глазами и видит пальцы, отовсюду тянущиеся к ней. Ветер щупает ее листьями, ветками, белым пухом одуванчиков, тополей, даже пластиковым пакетом и пузырьками с детской площадки. А она не верит, что это - пальцы, не внемлет порыву ветра и ждет того, кто сдирает с нее кружевное платье в поиске новых кружев. Озирается по сторонам, щурит сладкие вишни глаз, пожимает плечами. Все! Уходит, едва удерживая мятежные оборки от окончательного и бесповоротного бегства. Вот кому такое рассказывать? Джентельмены о таком молчат, хомяки о таком не знают, остается одно - писать и надеяться, что это не прочитают. Нет, я не изливаю душу, скорее протоколирую ее жалкие попытки не изливаться, а настаивать в перегонном кубе дистилляты ревности, страсти и нежности, что отравят меня собой. Это дневник самоубийцы? Неет, слишком самоуверенно полагать, что человек, де, сам себя убивает. Смерть уже заложена вяло тикающей взрывчаткой в его судьбе, в его самых-пресамых недрах. Даже если я буду лежать в морозильнике и пить сельдереевый сок, мне все равно крышка, как и всякому, кто не думает, что это так. Я не убиваю себя алхимией умолчания, просто я живу и чувствую, как больно это делать. Сними покровы лжи, задвинь ящичек с рутиной и ты поймешь, что это колется, это жжется, это черт знает что такое - жить и знать, что она живет и обо мне не знает. И не узнает, потому что я не подойду к ней, а она, как обычно, мелькнет сложносочиненными кружевами и исчезнет в далеких странствиях, где пиратские корабли, заколдованные дома и полоска неба, окрашенная в цвет молодого красного вина.

Затейливые арабески троп - боже, уймись ты! - привели меня в шахматный клуб, где мне посоветовали оказаться в виду «таланта», «призвания» и тому подобных глупостей. Не кривись, я и не думал скромничать. Это «глупость» не потому, что у меня их, талантов, нету, а в силу объективных обстоятельств: с родителями-алкашами и долгом за коммуналку никто не думает о своих способностях, никто не участвует в конкурсах и не прячет грамоты в сервант.

Люди в полуразвалившихся подъездах и загаженных квартирах, где даже чайник не помнит своего рисунка, думают совсем о других вещах, мыслят иными категориями. В любых олимпиадах и кружках их интересуют деньги, а если нету, зачем мы затеваем этот разговор? Вот и я подумал: «Какой клуб?! Вы это сейчас серьезно? Вы вообще видели, что на мне надето? То же самое, что и год назад, да, хотя я уже на голову выше. Я бы скорее пугалом работал, все лучше, чем с детьми фигурками бодаться». Но потом пришел домой и понял, что лучше бы пришел в другое место, какое угодно место, только не то, что это. Не долго думая, отдал швартовы и двинулся буквой «Г»: из одной клетки, черной от слоя сажи, в белую, надраенную уборщицей. И только там понял, что слон, проглоченный удавом, может двигаться только по диагонали.

«Инфернальница» - так о ней сказал бы Достоевский, царствие ему небесное или совсем другое. Про него не знаю, но про нее я точно могу сказать, откуда она взялась и что все это значит для земного паренька. Не кто иной, как силы ада нанизали ей на шею тесьму и тьму, зачем - я знал и не сомневался, что дьявол взял работницу на аутсорс с единственной и понятной целью - свести на нет все мои поползновения к чистоте и добродетели, если таковые имелись. До встречи с ней я на девчонок не глядел, так, из любопытства и любви к эстетике, ведь из народного фольклора уже усвоил, что красавицам нужно больше, чем у меня имеется, их грех винить, ведь если мне бы дядя предложил мороженое и в кусты, решая все мои проблемы, как знать, быть может, я б не отказался, учитывая масштабы предстоящей ему работы. Кроме того, прямо скажу, смушало, что из всех пятидесяти слов, которые они произносили с энтузиазмом, я половину не хотел бы повторять, а про другую не знал, что и думать, настолько это «треш», «кринж» и тому подобное. Из раза в раз я слышал одно и то же крошево из клише, закамуфлированное под личное мнение, и спешил прикинуться неодушевленным, чтобы всяческой дискуссии избежать. Честно говоря, лучше бы они вообще молчали и просто покачивали бедрами в такт новомодным шлягерам того репертуара, который я не слушаю. Такая музыка писалась исключительно для бедер. С моими взглядами далеко не уедешь, верно? Каково же было мое удивление, когда я узнал, что кто-то еще так думает! А ведь это была она, «инфернальница», с глазами, как спелая вишня, длинными темными волосами и ажурными узорами колен, обтянутых не то колготками, не то чулками. Это все, что я о ней запомнил в нашу первую роковую встречу, потому что я не мог поднять от колен глаза и спугнуть видение, поразившее меня своим демоническим блеском. Я не знал, что такие девочки ходят по шахматным клубам. И никто из нас, доходяг, не знал, судя по тому, что ее окружало физически зримое напряжение, напитавшее воздух разрядами беспокойства. Не один я мучился от неведения, куда же направить взгляд, чтобы не в нее, куда положить ставшие не своими руки, скользкие от желания обладать, безнадежные от невозможности это сделать. Мне еще повезло, я мог хотя бы на словах это выразить, пусть и мысленно, но мои компаньоны по несчастью просто напросто впали в ступор. Они даже не поняли, что это было. Однако позже, много позже я осознал, что они дешево отделались: не имея слов для навязчивых переживаний, они забыли это первое впечатление, а я - нет.

В момент, когда наш тренер объяснял, какие увлекательные приключения ожидают неопитов, ее сосед набрался смелости и шепотом переспросил, якобы, не слышал, что сказал оратор. Она вполголоса ответила: «Нас ждут горящие монастыри и прочие увеселения». Ее шутку встретило гробовое молчание, тяжелое, как могильная плита. И только я не смог сдержать усмешку, когда по одной лишь фразе, неведомому никому паролю-шифру, опознал родственную душу. Черт, у себя в голове я ответил бы точно так же! Она обернулась и посмотрела прямо на меня. Я не смог выдержать этот выразительный и твердый взгляд, обведенный тонкой линией стрелки. Опустил глаза, едва не задохнувшись от смущения. Мне почему-то захотелось, чтобы она не знала, не догадалась, что я чувствую, иначе, как мне казалось, игра будет проиграна, не начавшись. «Таким девушкам нужно не поклонение застенчивых юнцов, а волны страсти, бьющие через край и опаляющие душу» - решил я за «такую девушку» и отдал свой не

написанный текст другому. Пусть «другой», тот, что получше и посмелей, догонит ее на выходе, скажет нечто остроумное, необычное, застигшее врасплох, заставит замедлить шаг и отложить наушники, пригласит на чашечку кофе или в кино. Я знаю, что сказать, чтобы она осталась, но произнести... Нет, на эту роль нужен кто-то другой, боевой аватар из Мортал-Комбат или аккаунт с фотографией Мики Рурка, но уж точно не я. У меня даже внутреннее дрожит голос, трясутся руки, подкашиваются колени. Господи, неужели природа заповедует гормонам так работать? Это же уму не постижимо!

Прошло немало времени, прежде чем мое сердце забилося в нормальном темпе, а тело подчинилось закону всемирного тяготения. К тому моменту первое занятие кончилось, она ушла, а осень продолжалась как ни в чем не бывало. Я провожал глазами ее плавную танцующую походку и убеждал себя, что вовсе не преследую понравившуюся девушку, а так, гуляю по новым улицам, беспокоиться совершенно не о чем. И ей тоже, я ведь не собираюсь навязываться, провожать, караулить ее под окнами, смущая мать и выбеживая отца. Все эти цветы, шарик, надписи баллончиком на асфальте - банальщина, я бы сам на такое не повелся. Но ходить за ней, знать, где она бывает, стало для меня привычкой, болезненной и неотвратимой, как рок. Я не боялся разоблачения. У меня же есть еще один талант, помимо шахмат и витиеватой речи, - невидимость. Никто не обращает на меня внимания без нужды и это просто замечательно. Не жди ни мыла, ни веревки на эту тему. Я рад, что так сложилось, мне не по себе от чувствительных излияний, широких жестов и проникновенных слов. С души воротит, когда начинается: «Такой смысленный мальчик, а семья неблагополучная, как же так?» или «Ты держись, многие успешные люди выбились из гряд... то есть из бедности, ну ты понял». Нет уж, лучше не выделяться вовсе. Даже то, что она не знает, кто я такой, мне нравится. Пусть я не слышал, как она нуждается во мне, зато я никогда не получал отказа, который ранил бы меня сильнее, чем одиночество, к которому я привык. Пусть лучше остается так, как есть. А есть красивая талантливая девочка и ее неуклюжая долговязая тень, что тонет в выемках ее шагов, не думая о спасении и не желая оно.

Очень скоро я разгадал, почему у нее глаза вишневые. Это не фигура речи, я не маскирую метафорой карий цвет, не такой загадочный, как зеленый, не такой прекрасный, как голубой, не такой редкий, как черный или синий. Ее зрачки действительно были вишнями или создавали такой эффект из косточки и земли, света и его отсутствия. Сперва я думал, это такие линзы. Но потом пригляделся и понял, что цвет получается из игры туши, подводки и теней, которыми она пользуется. Все это вместе придает зрачкам оттенок, который кажется неестественным, но идеально подходит ей. Пурпурные и фиолетовые штрихи пролегают полосой под глазами, на нижнем веке, что делает взгляд глубоким и гипнотическим. Кажется, будто зеркало души занимает у нее три четверти портрета. Так символично, что она выделяет не губы и не скулы, а именно то, чем смотрит. Потому что то, что у нее внутри, намного важнее кружев, намного вкуснее вишни, намного темнее туши, и я это сердцем вижу.

Не спрашивайте, как я это понял. В наши дни гадать не надо, достаточно открыть соцсети. Она ведет их шиворот-навыворот, не так, как надо, чтобы преуспеть в компаниях. Надменно выставляя напоказ свое мрачноватое чувство юмора, а также начитанность и снобизм, она отталкивает тех, кто ведется на внешний вид, все эти прелести в виде кружев, ошейников и коротких юбок. В нее можно было бы влюбиться просто так, влѣгкую, потому что у нее фигура балерины и лицо главной героини, о каком бы фильме ни шла речь. Я мог бы тысячу раз написать, что оно красивое, но дело вовсе не в гармонии черт. Оно, как говорят воинственные англосаксы, «magnificent», и корень «mag» обозначает принадлежность к неземным источникам, к мистическим лекалам красоты. Оно не только притягивает взгляды, но и втягивает их в себя, неволит, и если не вырвать оттуда свой заледеневший взор, можно так навсегда и остаться в его плену. Что-то в нем нестерпимо жгло, то ли лютый мороз, то ли дикий пламень, то ли стебли роз, то ли нищим - камень.

Уж прости мне бессильную поэтическую браваду! Так вышло, что с детства я отравлен беллетристикой, в то время как ребятам моего статуса положено сидеть по малолетке и петь низкокачественный шансон. Ошибка природы произошла со мной следующим образом: когда родители впали в... депрессивное состояние, назовем это так, моя бабушка по материнской линии взяла огонь на себя и приютила меня лет на десять. Она не хотела скандала с лишением прав, не охотилась за пособиями и надеялась, что дочь возьмется за ум, как это часто бывает у интеллигентных пожилых людей, предпочитающих иллюзии реальной жизни. В возрасте трех лет я оказался один на один с тихой и робкой женщиной, которой помощь нужна была больше, чем мне. У нее были проблемы с сердцем и скорая гостила раз в неделю. Обратного к папе и маме я не хотел, поэтому быстро научился вести себя бесшумно и бесконфликтно, занимая себя всем, чем придется, а не играми, плясками и так далее. У бабушки была большая библиотека, в которой я и коротал положенное детство. Будучи педагогом и библиотекарем по призванию, она научила меня читать и, что важнее, понимать книги, играть в шахматы, смотреть хорошее старое кино и обходить стороной плохое. Я раз двести посмотрел «Жестокий романс» Рязанова и клятвенно пообещал, что ни Паратовым, ни Карандышевым не стану. На этом мое морально-нравственное воспитание закончилось. Бабушка не читала мне нотаций, прекрасно понимая двойственность своего положения: не сумев как следует наставить дочь, она бралась за внука, который рос уже не «как следует» и видел то, что лучше бы развидеть, да не получится.

Поскольку я не хотел тревожить бабушку и возвращаться в отчий дом, то всю свою активность сосредоточил на учебе и спокойных увлечениях. Гулять не ходил, в драках не участвовал, даже конкурсы и олимпиады избегал - ну их! Чем цирковой лошадкой выставляться, лучше б денег дали. Чего ради мне стараться и из кожи вон лезть? Чтобы мне дали ложные мечты и представления о мире, из-за которых я в дальнейшем сигаретами не смог бы торговать в свое удовольствие? Нет уж, спасибо, обойдусь. Бабушка на своем примере показала мне, что справедливость - разговоры в пользу бедных, которые никогда не закончатся сборами и выплатами в их пользу. Всю жизнь работала честно, старалась на совесть, не зарывала в землю свой талант и участвовала везде, где только могла, а что в итоге? Нищенская пенсия, одиночество, инвалидность. «Вырвалась» и «привлекла к себе внимание» только в юности, когда ее обольстил один «подающий большие надежды парень» и бросил, узнав о Надежде маленькой, которая родилась и через двадцать лет стала моей мамой. После рождения дочери «от не пойми кого» прелестная Зоя для всех превратилась в Игоревну и уже не ходила на прослушивания, не пела на пробах и конкурсах. Ребенок отнимал все силы и возможности, да и «неприлично» стало матери по сценам бегать, что соседи скажут? Искать себя нужно до родов, а не после. Из этого урока я усвоил, что пока я маленький и хорошенький, как котенок из коробки, ко мне охотно ластятся ведущие, члены жюри и спонсоры, но все их обещания и щедрые посулы - всего лишь низкопробная реклама самих себя, выставленная на всеобщее обозрение: «Нате, мол, ешьте от нашей светлости и не подавитесь от восторга!». Потом ты приходишь обратно в бедность, видишь рваные обои и черные от сырости углы, варишь макароны, что по акции, но уже не можешь смотреть на сухой паек данности без тщеславного омерзения и брезгливо скошенного лица. Теперь ты умница, ты знаешь, что людям живется лучше, просто ты не из их числа и никогда не будешь. Повесь грамоту в черный угол и смотри, как слезает слезами краска.

Все эти мысли развернулись во мне с новой силой, когда я увидел, куда меня привела цепочка ее шагов. Хороший дом, из тех, кто построили здесь недавно. Шлагбаум, ворота на кодовом замке, камера. Спасибо, что нет еще немецких овчарок и сторожевой вышки с автоматчиками, а то я бы уже поверил во взаимосвязь драконов и принцесс. Ну конечно, что же я туплю? Девчонки с заводских окраин так не одеваются. Следовало понимать, с кем имеешь дело. Что ж, я не удивлен, что так произошло. Безумно и безвыходно влюбиться можно только в существо из другого мира. И она подходила по всем критериям. Я даже не смогу писать дурацкие признания под ее окном и сторожить с цветами. Моргнуть не успею, как бомжеватого

Ромео отвезут в участок. И что тогда? С моей манерой изъясняться мне в камере не место, я поздно спохватился подниматься, то есть спускаться по карьерной лестнице.

В том году от меня ускользнули тонкие детали и орнаменты смысла осени. Я жил от случая к случаю, а в остальное время любил фантазию, воссозданную из наблюдений, допущений и разговоров, украдкой подслушанных между этим и этим ходом, когда сюжет партии ускользал, а вместо него полотно событий прорезал голос, богатый модуляциями и оттенками значений. Это был грубоватый, не мягкий девчачий голос, а низкий и с хрипотцой. Я знал, что она курила, картинно и невзятая, как кинозвезда на старинной пленке, где курить все еще полагалось крутым героям. Это мелкое хулиганство в сфере здравоохранения уже наложило свой отпечаток на ее связки. Мне это скорее нравилось, чем нет, ведь мелкое хулиганство роднило ее со мной, оставляло брешь для неидеального тайного обожателя. Я даже понял, почему она сознательно занижала тембр и сообщала тону налет залихватской удали, как проказливый паренек. Дело было в том, что она обычно говорила. Для этих слов не могло быть другого голоса. К примеру, в первые же дни я стал свидетелем такого диалога:

— А почему ты хочешь писать книги? - спросил парнишка, что пытался было за ней приударить.

— Из-за огромных гонораров, соцпакета и командировочных - ответила она как можно более серьезно, но слушатель ее сарказм проигнорировал.

— Напишешь про меня? Смотри, допустим, я - несчастный идиот, который ничего в проклятых шахматах не смыслит, вообще тупой, но он приходит, проявляет упорство, чтобы...

— Пока все выглядит очень правдоподобно - ответила она глухим от сдерживаемого смеха голосом, но он опять ничего не понял.

— Правда? Ну вот, и он такой старается, преодолевает все, чтобы однажды стать гроссмейстером и победить Карлсона...

— Карлсена?

— Ну да, неважно, вообще книга такая, как успеха достигать. С нуля!

— Ты думаешь, что хорошо получится?

— Слово чести! - гордо выпятил он любимую фразу. Наверное, из «Гардемаринов» почерпнул...

— Слово чести, ты? И почему же ты раньше не сказал? Это в корне меняет дело... Кстати, шах и мат! - ее улыбка не оставляла никаких сомнений в том, что серьезность тона была лишь ширмой для ее насмешки.

Он помрачнел, ибо на сей раз ирония ответа от него не ускользнула. Мария намекала на сомнительную репутацию игрока, который уже прославился на весь район попытками нагуглить выигрыш в туалете, когда участвовал в турнире и до смерти хотел медаль. Мне его даже жалко стало. Он не мог открыто нагубить, потому что Маша - девочка, любимица тренера и действительно хорошо играет. Но ему хотелось, ведь очередное поражение было нестерпимо для его самооценки, хрупкой, как вешний цвет. До чего же я удивился и расстроился, когда краем уха услышал продолжение, сказанное уже шепотом и в углу, куда он пошел за ней:

— Так ты будешь со мной встречаться? - спросил он, а я затаил дыхание и покраснел до корней волос. Неужели это так просто делается? Неужели только я такой... И услышал:

— Денис, ты молод, а суицид - не выход! - провозглашая приговор, она так мило улыбнулась, что он как будто даже не обиделся и тоже поспешил оскалить зубы, типа здорово, что они шутят без купюр, как настоящие друзья!

Черт, нельзя же быть такой первостатейной стервой! Но она была и тогда я понял, что молчу, скрываюсь и таю не из природной неспособности к мужским решениям, а из банального трезвомыслия и глубокого понимания вещей: она точно со мной не будет, а ответов в этом духе я не выдержу, не переживу и никакая дружба из этого не получится. Только мука для нас обоих. И ощущение пешки на доске не так болезненно, как небытие за ее пределами.

Не знаю, честно, счастье это или проклятие. Я бы вымости́л небо тенью своей души, но все же продолжал ходить за ней. Смотрел часами напролет на ее страницу, пытался срисовывать ее фото, в деталях представлял, как вместе с ней проходят мои каникулы за границей - ее каникулы за границей, где были Париж, Эйфелева башня и Диснейленд. Я сидел в подъезде, смотрел в окно, но видел Сену, Сорбонну и Сакре-Кёр. Я гулял по северному Тушино, как по Монмартру, закрывал глаза и оказывался по ту сторону ресниц, где все было по-другому: всегда розовый закат и всегда золотая пыль, сквозь которые сбывается она неземным видением. Я понимал, насколько это утопично и безнадежно - ходить вот так, отождествляя себя с фантомом, не пытаясь даже написать ей, какие фото милые и все в таком ключе, и смотреть, как другие пишут и ставят лайки. Но, блин, это мой способ дождаться смерти и лучшего я не знаю. Подобно мне, осень видела, что ее оплетает иней и белый цвет, но сдалась на милость победителя, ничуть не избегая умирания.

Все же чем дальше я заходил в своих поползновениях на преследование, тем реже магии фото удавалось обвести меня вокруг пальца. С каждым зимним днем я все больше убеждался в том, что моя прекрасная незнакомка - не та, за кого выдает себя. Или же не та, за кого я ее принял. Визуально картинка складывалась так, что девочка окружена вниманием, заботой и друзьями, коих она, без сомнения, заслуживала. Мария с детства ходила на балет, посещала музыкальную школу, была звездой районной библиотеки и пленницей придуманных миров. Без нее не проходило ни одно состязание чтецов, не обходилась ни одна олимпиада по литературе. Судя по фото, у нее дома был целый иконостас из грамот, свидетельств и дипломов. Шахматный клуб - еще одна веха на пути к успеху. Ее во всем поджидал триумф, я не увидел ни одного второго места, ни одного поощрительного приза, что было даже противоестественно, учитывая широту диапазона ее увлечений. Обеспеченные родители давали ей возможности проявить себя, а окружение во всем поддерживало. Конечно, ею интересовались мальчики, куда ж без этого с такой эффектной внешностью? Правда, в этой свите у нее не было фаворита. Она появлялась то в одной компании, то в другой, как будто ее всюду приглашали. Дни рождения, награждения, вечера на дачах сливались пестрой карнавальнoй чередой, где для ее лица всегда находилась маска. Но скромный детектив в моем лице выяснил, что за пределами камеры смартфона Мария вела совсем иной образ жизни.

В ту зиму я впервые видел, как сплетаются воедино кружение снега и крушение надежд.

Глава 2

Зима посеребрила снежной пылью улицы, хрустящие от мороза. Я вышел, выдыхая клубы пара, хотя даже сигарету не зажег. Дыхание заиндевело и отяжелело от ледяного воздуха. Казалось бы, она не выйдет, зачем гулять по морозильной камере тому, кто вместо жвачки покупает леденцы со вкусом эвкалипта? Но нет, из-за массивного сугроба возникла женская фигура, слитая с белизной снега. Я уже знаю эту куртку наизусть и различаю издали пушистый капюшон. Мне нет нужды рисковать и приближаться, я понимаю, что произойдет дальше, и мысленно рисую каждый поворот ее быстрых ног. Она спешит не только потому, что холодно.

В этой белой куртке она напоминает девочку с новогодней открытки. Наверное, ее купила мама, которой не дает покоя ностальгия по ее прелестному, должно быть, просто ангельскому детству. Пышный капюшон делает ее похожей на плюшевую игрушку из лучшего подарка Санты-Клауса. Длинный широкий подол и приталенное основание создают из парки ангельское платье, к которому только крылышек не хватает. Охранник умиленно смотрит на это зрелище и уже готов сказать, где детская площадка. Из-за худобы и маленького роста она как будто утонула в этой курточке, ей сейчас не дашь и пятнадцати. Мария, нет, Маша идет по живописным дорожкам парка. Ее тело исчезает под ветвями, набрякшими и провисающими от снега. Белое на белом - идеальная маскировка, чтобы выстрелить или умереть.

По пути она прибегает к тысяче и одному обману, чтобы просить забвения. Бросает рассеянные взгляды в пустоту, искусственно замедляется, чтобы рассмотреть праздничные

инсталляции и фигурки. Ее как будто очень занимает большая елка - абстракционизм елки, на деле лишь треугольник с пластиковым золотом шаров и бестолковой имитацией гирлянды. Вечером - да, красиво, должен признать, но вечером в Москве и видимость никакая. Огонёчки оживляют это все, и абрис елки приобретает смысл. Но сейчас ничто не маскирует фальшь треугольника, в редких ветвях которого прослеживаются черные пластмассовые кольца. Она же покупает кофе, самый навороченный и большой, и смотрит на обтянутый мишурой каркас бессмысленными глазами с вишневыми кровоподтеками от теней и туши. На морозе у нее глаза слезятся, но вы не знаете Марию, если думаете, что она выйдет из дома без макияжа. Наконец, она резко поворачивает туда, куда, наверное, идут похищенные духи, влекомые в темницу. На узкую аллею, ведущую в тупик.

Сначала мне казалось романтичным, что она любила гулять одна, забредая в темные уголки, где я уже не мог ее преследовать, опасаясь быть замеченным. Вполне естественное поведение для царевны моих грез. Она, конечно же, не из вертлявых девочек, живущих напоказ, ей, как и мне, нужно уединение в красивом месте, не омраченном суетой и ярмарочным балаганом праздников. Зачем ей эти пластиковые елки, нарочито веселые зайчики и белочки, вездесущие закусы под снежинки (как будто вам снега мало, в самом деле!)? Она и сама снежинка, только самая настоящая, круче реальной, и тает от одного дыхания посторонних, лишь бы не быть чьей-то. Вот и сейчас она уходит от любопытных взглядов, чтобы побыть наедине с собой и своими книжками, которые часто приносит в парк и никого не зовет, чтобы читать вместе. Я даже понимаю, почему. Судя по фото, никто из ее подруг так глубоко не погружается в придуманные миры, если это не аккаунты знаменитостей. Она же сидит часами и ничего не видит, кроме черно-белого движения страниц. Зато внутри себя, я уверен, я знаю, что это такое, она любит гипнотическим танцем смыслов и образов, меняющих ход времени и расположение пространства. Магия в чистом виде и мне туда путь заказан. Я уважаю ее право на побег от реальности, я не должен...

Но потом что-то нервное появилось в ее походке. Почти беге. Что-то темное залегло в глазах. Что-то странное проявилось в том, как ни дождь, ни снег, ни надрывный и влажный кашель не мешали нимфе углубляться в дремучий лес. Она по-прежнему носила с собою книги, но все чаще обложки внушали мне мрачные ассоциации. Она по-прежнему смотрела на мир глазами из спелой вишни, но взгляд ее стал затравленным и тревожным, как будто за ней кто-то гонится, а люди не могут увидеть, кто. В пурпурном сумраке ее взора я читал обреченность, желание вырвать из тела душу, пораженную проклятием. Конечно, я драматизирую, смеюсь, несуществующий человек, давай же, скажи мне, что я утрирую! Мол, не мог ты, Слава, различить все эти тонкие оттенки перемен, ты же вовсе ее не знаешь, а только ходишь за нею следом, как придурок, которому смелости не хватает и так далее, я все это наизусть знаю, не надо меня учить, каково это - быть мной. В том-то и дело, что лицом к лицу лица не увидеть, как говорил классик. Близкие и знакомые находятся под властью ее легенды о чудо-девочке, которая все умеет. Они видят то, что она хочет им показывать, и не более. В этой схеме она - телевизор, а все остальные - зрители. Но кто заказывает сетку вещания? Раньше я видел, что это была она. Теперь моя уверенность гасла, как зимний день, обложенный скользким нависшим льдом. И я начал подозревать неладное между строк, которые сам же сочинил для любовной линии моей несбывшейся жизни. Почему она то дёрганная, то безмятежная, как волна? Ну да, ну да, подростковый возраст продлили до восемнадцати. Почему у нее так мелко дрожат ресницы и незаметно подергиваются черты лица? Стресс у человека, много ожиданий. Не дома же сидит, как некоторые. Почему она то и дело достает смартфон и сбрасывает звонки? У нее активная личная жизнь, Слава, включи мозги. Почему такая бледная и худая? Ты еще спроси, почему она шатенка и носит серьги. Почему она ведет себя так, будто хочет утонуть в свитере? Так, Слава, это уже вообще переходит всякие границы...

Ты скажешь: «Слава, опомнись, ты выдумал эту девушку, как мираж, а теперь приписываешь ей, иллюзии, какие-то перемены. Ну ходишь ты за оригиналом и то от случая к случаю, не знаешь ты всего, Шерлок, и даже половины адресов, куда она навевается часто. Когда ее забирает такси или та крутая черная иномарка, или та крутая серая иномарка, ты не видишь, куда они едут, что делают. Не многовато на себя берешь?». Все так, воображаемый читатель, и что с того? Ты много умного сделал в жизни, когда любил? Я же сердцем видел, что не все в порядке, и когда садился перед ней, уступая белые, готов был бросить черное к ее ногам, лишь бы она победила хоть в этот раз. А она смотрела с лукавым прищуром и улыбалась - красивая, язвительная, уверенная в себе, и слова у нее полны карманов, когда я на нее смотрю...

Но в этот зимний день я наблюдал издали и не позволил лакомым глазам вскружить мне голову, которая и так с наклоном. Я позволил ей идти быстро и бросить пару тревожных взоров на подступы к этой тропке. Выждал время, пригодное для отрыва. И последовал за Эвридикой в темное царство парка, рискуя быть замеченным и поздравленным с наступившими Новыми годами и наступающими Рождествами.

Было бы глупо кокетничать и притворяться, будто я не знал, что я там найду. К тому времени я уже достаточно изучил вопрос, чтобы отложить на полку Дюма и достать Хьюберта Селби. Наперевес с книгой я пришел туда, где она, конечно же, читала иногда, но не в двадцатиградусный мороз и не десять часов утра, когда зимние каникулы в самом разгаре. Забавно, что все такие взрослые сидят, такие умные, но никому, кроме меня, это не показалось странным. И никому, кроме меня, не пришлось в голову пойти туда чуть раньше и в зимних сумерках помочь Деду Морозу устроить дело.

Было бы наивно полагать, что мой подарок ее обрадует. Я сделал все возможное, чтобы он ее расстроил. Но я хотел бы лично убедиться, что все произошло именно так, как я спланировал вдали от страдавших вишневыми глазами, которые сейчас пронзали ватную аппликацию ветвей и метали бессильные молнии... ярости? Страх? Поражения? Я не мог как следует рассмотреть, ведь боялся к ней приблизиться и себя выдать. Теперь, когда я видел, как она пугливо озирается и растерянно ищет то, что не найдет уже никоим образом, мне нужно уходить, иначе она сложит два плюс два и очень разозлится. Пожалуй, мне следовало бы возблагодарить судьбу, что книга Селби небольшая, и если что не так, я не помру от этого удара. Но я счастливо миновал ненужных объяснений и устремился в спасительную толчею у выхода, искоса глядя, как она сжимает книгу и бежит домой. Не выбросила, я в ней не ошибся. А вот мне нужно кое от чего избавиться, пока ошибка не ударила по мне сильнее книги. И вот теперь я не кокетничаю, не лукавлю, я сам не знал, что это такое. Как бы там ни было, Маша - умная девочка и может читать «Реквием по мечте» без закладки.

Дома я разжал онемевшие от мороза пальцы и выпустил на волю мертвую бабочку из полиэтилена, эфедрина и ацетилсалициловой кислоты.

Глава 3

Может ли быть такое, что я ошибся? Переоценил опасность положения? Сам перенервничал и пере-пере? Вполне. Я видел ее вблизи каждую неделю, играл с ней, и мозги у нее работают хоть куда. Скажем так, много лучше, чем у тех, кто чище стеклышка и строже Пресвятой Девы. Она по-прежнему смеялась, улыбалась, жила насыщенной и полной жизнью, а ведь это, я из документальных фильмов знал, нереально. Карающая длань судьбы должна была настичь ее на месте преступления. Родители должны были заметить и нанять врачей, пожарных и полицейских, чтобы порешать вопросы тихо и эффективно, как и заведено у людей успешных и состоятельных. Друзья должны были забить тревогу, а не забить, ведь зачем еще их так много в ее аккаунте? Словом, я ждал громы и молнии разоблачения, да что уж там, хоть толику скандала обнаружения страшной тайны, которую я разгадал случайно, увидев то, чего мне видеть не полагалось. Наконец, я до рези в глазах наблюдал за ней, пытаюсь уловить малейшие признаки перемен, но каждую черточку, каждую деталь можно было отнести и к норме, и к патологии.

Каждую, но не те прогулки по тупичкам, которые я саботировал, если мог, но чаще совсем не мог и страдал от непредсказуемости маршрутов. После «новогоднего чуда», как я это окрестил, она стала осторожнее и уже не ходила по одним и тем же координатам. Она осматривалась еще более тревожно и усложняла мою работу. Я отточил скилы невидимости, но всецело полагался на удачу, ведь порой был вынужден непростительно рисковать, чтобы менять на книгу мертвую бабочку. Дома я раскрывал упругие корешки, сохранившие типографский запах, и показывал полет бабочки, заблудившейся на ветру. Так роман сохранял мои еле заметные отпечатки и становился личным, будто наши библиотеки ходят друг к другу в гости и везде разбрасывают следы от проникновения одной биографии в другую. От отчаяния и незнания, что делать, я писал «не надо!» на обороте, но не получал ответа. Ничего не происходило, как будто бы мне привиделось, а все остальные знали, доподлинно знали, что все нормально. Я их не очень-то и виню. Как прямо она держалась! Как ловко играла, просчитывая ходы! Я уже не упрекал себя в трусости, слабине, инертности. Да, я не писал, потому что ее боялся. Другие вот не знали, а я уже точно знал, как мастерски она лжет. Так небо кровоточит звездами, раненное безверием.

Лишая ее трофея и сладости, плоти и острия, я хотел поймать в ее взгляде муку, надлом, безвыходность. Стоял и курил в сторонке, высматривая их вишнёвые всполохи. Я хотел, чтобы она, наконец, признала, как ей тяжело без этого, как это ее ломает и угнетает. Каждая новая вылазка должна была заканчиваться смертью героя из Мортал-комбата, который боролся за ничего и умирал также, оставляя только привкус поражения и даром выброшенных минут. Она должна проигрывать, здесь я ей уступать не буду. Лучше биться головой о парковую скамейку, чем найти под ней поддельную эйфорию, как хакерский код, разрушающий все человеческие барьеры. Пусть страдает, злится, проклинает невидимого меня, лишь бы эти визиты в парк обрели ассоциацию с болью, разочарованием и страхом. Где я? Кто я? Откуда знаю? Почему позволяю ей делать это и до сих пор молчу? Кому и когда я могу сказать? Все эти вопросы, без сомнения, вгрызаются ей в душу отравленными наконечниками стрел. Увы, Амуру в нашем несостоявшемся романе приходится сменить профиль. А кому нынче легко? Я вот тоже не хотел замечать пыльцу, содранную с крыльев мертвых бабочек и уложенную в полиэтилен, но теперь я могу назвать десятки уголков, где она точно может быть и наверняка валяется. Прячется, подстерегая жертву. Я тоже не хотел знать, каково это - на вдохе дышать стеклом, на выдохе - полной жизнью, рассеянной в мутной дымке. «Я тоже» или «я тоже не» - это надо еще решить...

От тяжелых мыслей меня отвлекла вишневая прядь волос. В школе, видимо, нельзя их красить, поэтому она вставляет искусственные пряди, но смотрится это здорово.

- Сыграем?
- А как же? Белые возьмешь?
- Ты всегда уступаешь белые. Не любишь делать первые шаги?
- Пропускаю девушек вперед...
- Будучи сапером?
- Скорее джентельменом, но с девушками это одно и то же.
- Разве мы взрывоопасны?
- Как петарда, отрывающая пальцы.
- Ты говоришь с вершины собственного опыта?
- Я бы сказал, с низины.
- С таким запасом оптимизма тебе бы Слово Божье полистать.
- А разве Бог пишет?

Наша беседа сама по себе уже обжигала кожу невидимым фитилем. Мне показалось, или она тоже это ощутила? И улыбнулась? Показалось не только мне. К нам подошел Денис и фамильярно, как бы невзначай, оперся на ее стул и навис над доской всем телом. Она еле

заметно поморщилась и попыталась отстраниться, насколько это позволяли скромные габариты столика.

— Во что играете?

— В салочки, Денис, только в салочки.

— Тогда я - вода!

Боже, он вообще не понимает ее сарказма. Уж лучше б ты писал и помогал на свете выжить этим идиотам! Ведь если он ее облапает, свидетель бог, ему понадобится помощь!

— Хорош, Денис, держи себя в руках! Это физиологическая данность для мальчиков в твоём возрасте.

— И много ты знаешь о мальчиках в моем возрасте?

— Достаточно, чтобы они ограничились руками!

— Так я тебя руками и потрогаю.

— Себя трогай и отвали уже!

— Да ладно тебе, сама же сказала «салочки».

— Да хоть блэджек, я же сказала, что играю не с тобой. Ты мешаешься, я сделаю из-за тебя ошибку.

— С ним типа? Фигня! Мы его в два счета обыграем! Я тебе даже подсказать могу...

— Извини, Слав, Денис еще не понял, как с людьми общаться. ЗПР, судя по всем симптомам.

— ЗП... что? Я не понял, ты чо это?! У меня таких болезней нет и быть не может! Я, если чо, предохраняюсь так-то!

— Рады за тебя. Иди уже предохраняться с пацанами и не висни надо мной!

— Умная такая типа, ага. Ты бы лучше посмотрела, что с глухонемым сидишь! С инвалидами, наверно, весело играется? В поддавки-то?

— Ты его нарочно задираешь, потому что он играет лучше и фигуры не пытается с доски снять? Очень смело, ты не человек, а конная статуя!

— А ты никак влюбила в инвалида? Ой бабы, я не могу! Да он ссыт за себя ответить, а ты впрягаешься!

— Я просто вижу, что у тебя за плечами Рубен Суренович, и не нахожу слов для приличного ответа.

Слова-то у меня, конечно, были, но не было охоты их использовать. Хороший игрок в шахматы - стратег, он должен видеть серию шагов заранее и предугадать действия соперника. Резкие и необдуманные решения почти всегда ошибочны в перспективе. Но не все умеют эту перспективу ясно представлять. Я умею, поэтому молчу и без явной необходимости в разговор не вступаю. Дело вовсе не в трусости, объясняю я себе, просто бумага имеет то преимущество над речью, что позволяет думать наперед и шлифовать законченные фразы. Но в реальной жизни нет черновики, нет команды Ctrl + Z и delete, я вынужден все сразу говорить, а это неминуемо ведет к промашке, которая задает неверный вектор всей партии.

Дениса выставили «освежиться». Такую санкцию тренер применял, когда слышал мат в стенах «учебного заведения». Даже грубого жаргона было достаточно для епитимьи. За хамское отношение к другим участникам можно было и вовсе вылететь. «Шахматы - спорт для терпеливых, остальные могут сразу записываться на бокс и там работать над своей агрессией» - говорил Рубен Суренович. Я был полностью с ним согласен, поэтому ходил на занятия с удовольствием и не только из-за того, что...

— Ты в порядке?

— Да, спасибо, это было очень мило с твоей стороны. И смело.

— И глупо. Денис ведь может говорить и по-другому, когда мы не этом месте. А остроумие - не нож, оно не защищает обладателя. Скорей наоборот.

— У тебя здесь есть не только остроумие, но и друг.

— Спасибо, Слава. Надеюсь, ничего такого не понадобится делать.

— А я уже надеюсь на обратное, честно говоря.

— Ого! Не ожидала! Если Денечка тебя так бесит, почему ты ничего не говоришь ему об этом?

— Решил повременить до дня Святого Валентина.

— Я смотрю, у тебя с мальчиками особые отношения?

— Только с ним. Он же как никак предохраняется!

И она рассмеялась таким звонким и детским смехом, что я чуть было не разуверился в горстке сушеных бабочек, украденных у нее тайком. Не спрашивайте, зачем я их хранил. На эту содранную лезвием пылью я покупал ее существование и свою любовь.

— Вот ты куражишься над бедным инвалидом, а тебе шах!

— Дай-ка подумать... Меня спасет белая королева!

— Ее убьет черный конь коричневого цвета, советую подумать.

Рискованный пассаж! Она может и знать, что на английском называют «хорс», кроме лошади и виски. И да, оно тоже коричневое.

— Но у меня нет другого выхода. Придется отдать королеву, чтобы спасти королевство.

— Выход найдется, если ищешь вход. Даже в этой партии. Нужно всего лишь устранить угрозу. Ты концентрируешь внимание на диагонали короля, на защите и жертве, а надо посмотреть, что вынуждает тебя защищаться и жертвовать. Не следствие, а причина требует хода. Другой сектор доски, другая драма. И ты увидишь, что...

— Убить можно первой. Для этого не нужно умирать.

— Я потерял офицера, но приобрел философа. Всегда бы так меняться.

— Ты думаешь, что измениться так легко и просто?

— Я думаю, как ставить тебе шахи, полезные для ментального здоровья.

— Ты очень умный собеседник, но всегда молчишь. Почему?

— Потому что эти величины прямо пропорциональны.

— Что ты делаешь после клуба?

Такого поворота я не мог себе представить и, скорее всего, жутко покраснел, пытаюсь скрыть смятение, замешательство и страх, что она видела, как я за ней ходил, и вот решила предьявить за это. Пошутить об этом. Да просто упомянуть, не все ли уже равно? Я разоблачен, подавлен и, наверное, да что там, как пить дать, она уже меня смертельно ненавидит за то, что я ее кошмарил эти месяцы, внушая неуверенность в координатах, датах и адекватном восприятии миров. Конечно, дурень, как я мог надеяться, что это продлится долго? Где прокололся? Когда следил? Или когда подкладывал с намеком книги, где кое-что подчеркивал и писал, теряя всякое терпение в порыве спасти ее? Она ведь снова и снова шла, несмотря на мои слова, несмотря на «Охоту на василиска» и «Амнезию души», несмотря на страх, что кто-то наивно-добрый устанет ее учить и вывалит правду-матку на стол, где ее родители разливают вечерний чай. Да, вот такой я злой. Буду, когда устану. А пока...

— Я собираюсь проводить тебя домой. Если ты не против, конечно.

— Ничего себе, какая щедрость! С чего бы?

— Ты не подумай ничего дурного, я не такой! Но, полагаю, так судьба скорей сведет меня с юношей, который мне безразличен.

— Бааа! Кто я такая, чтоб препятствовать любовным узам? Веди куда хочешь, разумеется, чего не сделаешь во имя светлых европейских идеалов?

— Я знаю, чего ради них не делать, но скорее откушу себе язык, чем откажусь от райского блаженства.

— Какой ты вероломный, Вячеслав! Чуть что и сразу к девочкам! Денис сойдет с ума от одиночества...

— Не парься! Что что, а эта кара ему точно не грозит! Хотя от полного некроза невос-
требуемых органов он не застрахован...

Мы бы так и перешучивались по дороге домой, которую я знал лучше, чем родную, но
будет, есть и было одно «но»: я ничего такого не сказал. Я испугался быть разоблаченным и
осужденным на вечное изгнание по факту своего вредительства, которое она, не надо заблуж-
даться, не оценит. Если бы я вызвался проводить, обнаружил свой интерес, то лишь укрепил бы
ее подозрение в том, что книжный вор наоборот - это я, единственный неудачник из окруже-
ния, который только буквы просеивает в сознании, но палец о палец не ударяет, чтобы вопло-
тить иллюзию в явь. Это так на меня похоже: не сказать прямо, а выдумывать невероятные
ухищрения, дабы окольными тропами и увесистыми томами выразить шесть букв и один про-
бел: «Не надо». Мудак, короче. Ведь все, что я в итоге смог сказать...

— Не знаю. Как всегда...

— А где у тебя «всегда»?

— «Неверленд». Тебе не понравится такой остров.

— Почему же? Я тоже не хочу взрослеть.

— Там никто не хочет и это стремно.

— Проблемы дома?

— Нет, забей. Но за участие спасибо, я тронут.

— Тогда пока?

— Да, до скорого! И это... береги себя. Если Дениска хочет пошалить, дай ему мой номер.
Он, если что, по мальчикам, не строй иллюзий. Замуж в другой раз.

— Спасибо, Слав, а то я уж занавеску на подол пришила, беспорядок нечем прикрывать.
Какая жалость! Увидимся. Только это... у меня ведь нет твоего номера. Подозреваю, инфор-
мация такого рода не разглашается без ксивы и подписки о невыезде.

— Хватит честного слова, что от тебя военкомат звонить не будет.

— Клянусь покоем Пречистой Девы, что бы это ни означало!

— Да будет так!

Покрываясь предательской краснотой, я продиктовал свой номер. В жизни бы не поду-
мал, что это произойдет. Конечно же, она взяла его, как берут пустяк, машинально, ведь при-
выкла общаться с ребятами и обмениваться контактами, хоть это и немного старомодно. Какие-
то номера... Возможно, кто-то еще так делает. Я же стоял как истукан, говорил цифры, любил
ее и готов был выдать даже пароль от сейфа, только бы она не додумалась, кто подкладывает
книги и забирает бабочек, обструганных лезвием до скелета.

Я даже не пошел за ней тогда, ведь оказался в зоне видимости и утратил преимущество.
Она могла бы обернуться, меня увидеть и баста, как говорят испанцы, меня бы уже ничто не
смогло спасти. Она бы тут же догадалась, кто я и зачем преследую ее. Пришлось идти домой,
гадая, куда же она свернула: туда, где лежала книга, замотанная толстым слоем пленки, или в
другое место, новое, о котором я еще не знаю? Ведь в нашей с ней игре все чаще проступали
крестики побед и нолики досадных поражений, которые блокировали линии ходов и не давали
нам преодоления друг друга. Мы застряли на поле, где ничего решающего не происходило. Я
не мог пересилить ее упрямство в разрушении себя. Она не могла убедить меня, что бороться
уже нет смысла.

Но в этот день кое-что на поле изменилось. Вечером я «случайно оказался» в той части
парка, где мы играли с ней в терпение и настойчивость. Там не было моей книги - взяла! - но
была другая. «Бледный огонь» Набокова. Ничего себе! Я даже не знал, что у него была такая
книга. Как-то мимо меня прошло все то, что было не на русском. Название не обмануло: я
почувствовал ожог, когда увидел надпись на обороте. Она игриво интересовалась: «Кто ты,
добрый самаритянин? И когда ты перестанешь мне вредить?». Ну конечно, именно так она это
и воспринимает. Польза и вред смешались в ее сознании и бросают на меня искусственную

ть. «Дура! Я пытаюсь тебя спасти, а ты... По телевизору кого-то убивают, на ОБЖ молчат, мои родители не помнят, когда такое было, что я родился, и я понятия не имею, что еще можно сделать! Меня никто не учит и не учил ловить подохших бабочек над пропастью во лжи» - все это искренне бы прозвучало, но я такое писать не стал. Следующей книгой я выберу «Над пропастью во ржи» и понимай как хочешь!

Дома я разложил потусторонний баттерфляриум и внимательно вглядывался в пыльцу, пытаюсь ее понять. Зачем? На вкус она напоминала ландыши.

Глава 4

Весенним днем, похожим на пощечину, когда вдруг понимаешь, что не живешь, а вокруг - тоска, я с превеликим тщанием собрался и пошел туда, где не должен был бы оказаться. Конечно, с точки зрения происхождения и материальных благ, туда мне и дорога, горемычному, и нечему тут удивляться, сказали бы в «Опеке и попечительстве». Лишь бабушка была убеждена, что мне там не место и вообще меня ждет светлое будущее, в чем бы оно ни выразилось. Наивная добрая женщина, как я не хотел ее разочаровать! Но к тому времени бабушка уже была покойной, я жил с родителями, что числились живыми номинально, а фактически никто не мог бы это подтвердить. Прозвучит цинично, но мне уже все равно. Даже лучше, что никто не путается под ногами и не рвет душу своими сетованиями. Такой, де, умный мальчик, светлая голова, и так скатился, так низко пал в погоне за дешевым наслаждением. Ну что ж, валяй, незримый обличитель, я весь внимание. Щас, только вещи ношенные прибору, квитанции из ломбарда спрячу и тараканов выгоню на кухню, чтоб не подслушивали разговоры во спасение души. Им вредно, они от этого плодятся реже.

Настроение не очень. Из моего лица как будто вынули каркас, и все нанизанные на него предметы разбежались. Нос в одну сторону, но расстрою, чиновником он не стал, рот - в другую, тянет лямку от сигареты до сигареты, глаза слезятся, потому что весна, черт ее возьми, все вокруг превращает в воду и смывает мои зрачки - темные, в цвет души. Даже бабочки плотнее закручиваются в кокон, чтобы выдержать натиск вод. И правильно, только вышел - ботинки уже промокли и крылья уже оторваны. Усталость, тяжелая, как первые дни простуды, нашептывает: «Назад! Неужели ты все еще думаешь победить, оставь ты нелепые эти планы! Твой самоубийственный гамбит ничего не даст, это риск, как танцы, на которые ты не ходишь». Я все понимаю, моя непрощеная усталость, но ты - всего лишь маска моей беспомощности, моей уверенности, что ничего не выйдет. Я узнаю тебя из тысячи, не робей и выйди на божий свет. Мы сразимся лицом к лицу, как подобает настоящим паладинам. Да, смельчак всегда устремляется в жерло битвы. Но мудрец его избегает. И я иду, одолеваемый бессонницей и апатией, но не борюсь с шепотом, который меня «спасает». В конце концов, я делаю то же самое: вытаскиваю вот человека из дерьма, а он брыкается и говорит «Не пахнет!». В полной дисконммуникации с самим собой я вошел в неприметное здание, которое вполне могло бы есть людей, никто бы даже не услышал хруста. Есть такие архитекторы в Москве, которых я бы лишний раз проверил, вдруг что?

Раньше я любил весну больше всего на свете. Одной глобальной перемены к лучшему было довольно для того, чтобы я верил, будто в будущем все будет просто замечательно и надо лишь немного потерпеть, пока последний снежный островок растает. Но таял этот снежный островок, я видел, что землей становится проталина, и больше ничего не совершалось, хотя в душе искрило и надеялось. И как-то было этого достаточно, баланс сходил. Мы вместе с «бабой» получали пенсию, устраивали «день деньготратения», когда все можно, даже в супермаркет за конфетами, и вместе ели эти разные конфеты, по пять, но из каждого ящичка. Мне было важно, чтобы они были разными, как будто мы скупили весь прилавок и все удовольствие сразу. Не так уж были хороши эти конфеты, честно говоря, и половина мне не нравилась, но ощущение полного кулька, окрашенного в невообразимые цвета, которые в жизни точно не встречались, было подобно радости пирата, нашедшего набитый золотом фрегат. Я книжно

изъясняюсь, что поделать, но кроме книжек и конфет я в детстве толком ничего не видел. Романсы вроде «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала» на стареньком магнитофоне не считаются, это тоже ведь литература, еще какая! Включаешь такой романс, открываешь окна и чувствуешь, что воздух совсем другой. Им дышала «Одиссея капитана Блада», в нем рождались все баллады Шиллера, в нем разбрасывали феи колдовские свои следы. По ним можно было пойти и достать черемуху. А теперь что? Весна все та же, но я другой. Ничего не чувствую, кроме сырости. Ничего не жду, кроме встречи с ней.

Я зашел в небольшую комнату, безликую и пресную, как школьная столовка. Но краска на стене была свежее, линолеум на полу - дороже, а окна выходили не на детский сад. В тупичок с нулевым обзором. Вокруг сидели люди, как в американских фильмах, знаешь, где ты приходишь, чтобы возгласить: «Привет, меня зовут Джон и я алкоголик». И все такие кивают, вежливо здороваются, слушают твою историю, чтобы потом рассказать свою. Мдааа, лучше бы пошел на курсы кройки и шитья для мальчиков из так себе семей. Там хотя бы платят за старания и кормят за казенный счет, а тут за все приходится платить из сбережений, которые бабушка передала мне перед смертью в величайшей тайне и умолила никому не говорить о них. Как только бедная старушка умерла, на жалкие лохмотья набежали не пойми откуда взявшиеся родственники и растащили все, включая квартиренка, оставленного на имя несовершеннолетнего внука, который «не может жить один», а значит «пусть пока там тетя Рая поживет», иначе «эти алкоголики промотают». А кто она такая, эта тетя Рая? Где она была, когда я врал, что у меня температура и вообще гастрит, чтобы остаться дома и присматривать за бабушкой, которая медленно, но верно умирала от болезни без названия и без конца? Она ведь никому не говорила, чем болеет, «иначе они заберут у меня внука, а только ради внука я еще жива». Она часто беседовала со мною так, точно я уже взрослый, уже все знаю, а внук - это кто-то третий и еще маленький, кого нам надо растить и оберегать, что бы ни случилось. Чтобы не случилось то, что произошло со мной. Мы так старались защитить внука, сиротку при живых родителях, что упустили как-то курицу и яйцо: взрослый Слава следил за маленьким и заботился о старушке, стал в доме главным, но в этот миг «внука», которого надо оберегать, не стало. Он послушно возник из неоткуда, как опереточный, ненастоящий мальчик с пасторальной кружки, играл для бабушки такую роль, но схлопывался, как пузырик, когда видел зимние платежки и думал, чем заплатить. Ведь пенсия уже закончилась, а впереди еще неделя ожидания и ничего, что можно было бы продать. Запинаясь от стыда и робости, он просил «немного денег» для бабушки или «хлеб, который захватить забыли, а суп стынет». Соседи подавали, не скупилась, ее и его любили за тихость с кротостью, но они же знали, что не отдаст, и так смотрели. А он, Слава, прекрасно видел мутную подоплеку взгляда: «Самим тяжело, чай, не в ЦАО обретаемся, а тут еще эти, блаженные, и ведь не откажешь!». Он все равно брал кусок, застревающий комом в горле, потому что другого не было. Все это взрослый, ну хорошо, почти взрослый Слава мог бы рассказать эмпатичным слушателям, которые тоже звезд с неба не хватают, но он молчал и избегал глазами вишневых глаз, которые вывалились на мир и прямо-таки кричали: «Ты здесь? Откуда?! Что ты здесь делаешь?! Как же так?! Ты же лучше их всех играешь, ты не можешь вот здесь сидеть и тянуть окурок центральной нервной системы, которой хватило на пять минут небрежного использования».

Групповую сессию вел психолог или бог знает кто с компетенцией заниматься этим. Крепкий дяденька лет сорока, улыбчивый и радушный. Его длинное приветствие я скипнул. Типа да, я тоже рад познакомиться и присоединиться, как здорово, что мы все мы здесь сегодня собрались и охренели от количества проблем, заставивших нас всех собраться. Мы же не утреннике, чел, уймись уже. Нет, я не гомик, чтобы обниматься и тому подобное, обойдусь, давайте-ка не отвлекаться и сразу к делу: кто тут чуть не умер и на кой ляд остановился на полпути? Ага, так, я понял, что компания плохая, родители тоже не особо, девушка ушла, может, еще и хомячок помер, царствие ему небесное и все в таком ключе. Так, вот эта с волосами цвета

стеклоочистителя, точно в теме, еще не отошла. Не знаю, как психологу, но мне уж точно очевидно, у кого «есть чо». Интересно, они вообще нас проверяют на предмет лояльности? Ведь эти группы могут научить плохому, тут народ на опыте сидит и может передать эстафету, так сказать. Вот этот, с благостно-елейным выражением лица, пришел наставничать, ведь уже год, как все. Ну чувак, браво, ты мой герой, дай-ка я тебя покрепче расцелую. Достижений за последний год у него так много, что в штанах тесно, а посему он тянет весь свой суповой набор к угрюмой обладательнице вишневых глаз, которая вежливо, но непреклонно избегает изливаний опыта и перлов мудрости. Он ивой нагибается и так, и эдак, а она вжимается в стену и делает отсутствующий вид. Но я-то вижу ягодную слезку, она не забывает, что я здесь. И я, наверно, правильно проигнорировал усталость. Сегодня - это вовремя. Еще не поздно.

По законам этого паралимпийского цирка, выступающий не должен выступать, если он не хочет. Можно просто приходить и слушать - идеально для моих целей. Я не собираюсь душу изливать, иначе затоплю подвалы им, а там наверняка трупы. Ничего не могу поделаться с тем, какие ассоциации навеивает мне это здание, мрачное, как колодец, и уединенное, как брошенное кладбище. В нем я намереваюсь помалкивать и не привлекать к себе внимания наставников, липких и приторных неудачников, которые уже немножко излечились и давят на мозоль другим. Но в комплексный пакет «двенадцати шагов», в который я вложил и мельницу, и осла моего наследства, входит личное общение с психологом. Вот это будет зверски тяжело. Я не хочу вскрывать гробницу собственных проблем и изнывать под гнетом древнего проклятия, положившего начало всем моим злключениям. И дело даже не в воинствующей интроверсии. Я не смогу быть искренним. Я не смогу сказать, как я во все это ввязался, как ловил бабочек за мертвые крылья, обжигая пальцы пылью, а вместо них подкладывал черно-белых бумажных птиц. Эта история для меня и такой же птицы. Только лист примет черные чернила и не осудит, не скажет, что все нормально, а я дурак с расшалившимися гормонами. Психологи для этого и нужны - говорить очевидное подавленным и расстроеным. Но я и сам знаю, куда катится мир, если он у меня внутри. Не надо говорить мне, что обсессия - не любовь, сталкеринг - не отношения, а выдумка - не девочка. Отринув то, что дорого, счастливее я не стану. Пусть я живу в картине Боттичелли, но разве стерильная пустота палаты лучше? Психолог скажет «Да!», ему за это платят. А мне - нет. Неправильный ответ, но хотя бы мой, не чужой. Чем богат, тем и рад.

Я сижу, симулирую участие к чужим судьбам и жду, пока до нее очередь дойдет. Выступающие делятся маленькими победами, философскими сентенциями из нельзиграмов, мотивациями, медитациями и прочей ерундой из цикла «Как прошла моя никчемная неделя, а затем и жизнь». Сюжетов всех историй я не знаю, но могу угадать. Этот с дредами и в спортивных - сто процентов продавал и себе отщипывал, вот его красиво и отделали, еле ходит. Этот тощий и рябой болен буллингом, а не этим самым. Эти две подружки с ресницами, как толстые паучихи, и ногтями из хорроров девяностых очень уж хотели стать крутыми для парней постарше и перегнули палку. Они не помнят, кто это был и сколько их было. Жесть... Хорошо, что кульминацию истории я не застал. Просветленная поклонница йоги вообще не понимает, где ошиблась, вроде гуру говорил, что все окей. Завсегдатай клубов, любитель «темок» и юный блогер прогнулись под тяжестью успеха и легких денег. Они снисходительно поучали новеньких, дескать, миллионы надо инвестировать, а не... Про рэпера, деву с камелиями и жертву биполярного расстройства я даже говорить не буду. Наставники - такие же придурки, но с опытом преодоления трудностей. Молодцы, конечно, спору нет, но этот опыт покупается и продается, когда родители оплачивают чек. Ребятам, у которых нет копилки и сердобольных родственников, здесь не место. Они сидят в подвале и продолжают биться головой об эту трудность, пока от нее остается хотя бы мнимость.

Я терпеливо выслушал все это и додумал остальное, но она, такая смелая в общении, свою очередь пропустила. Это камень в мой огород, не иначе. Не хочет откровенничать при

мне. Или при внимательном наставнике? Ничего, проехали, это уже не первый нолик на моем пути, я знаю обходные. После круговой исповеди, проникновенной речи и всяческого безобразия вроде медитации, высших сил и духовных всходов, она захочет раствориться в улице и прибавить шагу, минуя похотливого (ой, извините, хлопотливого, я хотел сказать) наставника, захочет, спору нет, но не удержится и...

— Слава? А ты чего здесь делаешь?

— Я бы пошутил про то, что в шахматы играю, но сомневаюсь в релевантности ответа.

А ты?

— А я от некромантии лечусь. Или говорю, что это делаю. Еще не решила.

— Некромантии? Интересно. Хорошо хоть, не от некрофилии, а то я уже запереживал, как сложатся наши отношения в будущем.

— Прекрасно, как на уроках по литературе. Берешь труп, тыкаешь в него предметом, и если труп покамест сдачи не дает, получаешь удовольствие, как говорится.

— Тогда я приглашу тебя на похороны и поминки, коль скоро с днем рождения не вышло.

— Я смотрю, ты проникся атмосферой заведения. Как тебе некрополь?

— В самый раз для некромантов. Откуда этот эвфемизм? Дяденька-психолог подсказал?

— Нет, отец велел мне не произносить этого слова. И однокоренные под раздачу. У нас все хорошо типа, нет проблем.

— Ааа... то есть если кошку кошкой не называть, не будет кошки?

— Легенда о Кошке Шредингера. Когда все про нее забыли, ее никто не покормил. Так на свете появилось два вида мертвой кошки, не существующая и дохлая, но об этом никто не знал, ведь слова для кошек не было. Лишь запах из коробки напоминал о том, что то, для чего нет слова, находит пути обхода и жестоко мстит своим обидчикам. Тем, кто о нем забыл. Так призрак чиновника ходит в поисках своей шинели.

— Денис говорил, что ты пищешь. Но я не знал, насколько увлекательно это слушать.

— Ух ты, вы общаетесь? Они сошлись, вода и камень?

— Нет, но я в тоске внимаю каждому его слову.

— Какой ты наблюдательный, оказывается! В тихом омуте люди топятся...

Так, Слава, прекращай! Ты выдаешь себя с потрохами, хотя она даже скальпель не взяла. Некрофилией с некромантией вы займетесь, когда девочка узнает, кто ты есть. Злой гений и добрый самаритянин.

— И все-таки, что ты здесь делаешь? Ты так ничего и не сказал. О себе и своей истории, например. Я уже мысленно достала для себя платок, а ты...

— А я его тихонько одолжил, но ты ведь тоже промолчала. Теперь я наматаю белый флаг на абордажный мостик: я тебя подталкивать штыком не буду, и ты не делай так, баш на баш, ладно?

— Принимается. Ты самый благородный из пиратов, избравших город пяти морей, где нет ни одного моря.

— И самый недалекий парень, видимо, раз оказался здесь.

— Ты не одинок. Но я, конечно, не рассчитывала встретить здесь знакомых. Родители хотели, чтобы не узнал никто. Поэтому нашли некрополь на отшибе, где дурочки с других районов отвисают. Как ты сюда попал?

— Ты не поверишь. С той же самой целью я выбрал заведение подальше от своих родных пенат. Мне некого расстраивать особо, но и внимания лишнего не хочется.

— Если хочешь, я переведусь...

— Нет, нет, нет! Мы друг друга, почитай, не знаем, все условия соблюдены. Да и наставник, видимо, пролил немного истины во тьму твоей души. Или как это здесь происходит?

— Даже не начинай! Этот хрен скорее агитирует продолжить, чем помогает завершить. Свет вечных истин у него в душе, но высшие силы почему-то у меня в печенках. Башкой чувак

поехал основательно, и я даже не знаю, есть ли в этом доля черной индустрии или так заложено судьбой. «Трудный подросток», «трудный подросток» - заладил, как лагающий видос. «А мой трудный подросток ебал вашу честь» - так и хочется ему сказать. Но мат нельзя в группе. Что убивает мою мотивацию к выздоровлению.

— Не знал, что ты ругаешься. Но ничего против не имею. Если запретить произносить «пиздец», ничего путного из этого не выйдет, а жизнь станет хуже - это факт.

— Она уже никуда не годится, потому что «пиздецом» пиздец не назовешь, утопят.

— Дааа, ни базара стоящего не стало, ни понтов путёвых. Того гляди приличные пробелы из песен и книг заменят все оттенки личного общения и сделают его идеально безопасным для детей, стариков и женщин.

— Слава, куда ты пропадаешь после полуночи? И почему молчишь с таким вокабуляром? Мы уже полгода ходим на один кружок, но я тебя не знаю. Совсем. И вот в который раз ты меня сильно удивляешь...

— В который раз?

— Тогда, с Денисом. Я не ожидала от тебя такого разговора. Видишь ли, какая странность. Обычно люди говорят мне ровно то, что ожидается, нимало не заботясь об оригинальности идеи и подачи. Я уже слушаю на автомате и развлекаюсь тем, что продолжаю диалог, угадывая фразы собеседника. Все говорят про нейросети, мол, они отстой, но не видят, что их разговоры - тот же нейросвоп, та же клишированная сетка, в которую вставляются ключевые слова по теме. Обмен одним и тем же, не замечал? А с тобой иначе. Ты ведешь себя, как мертвый, столь же румян, горяч и красноречив, как труп, но при этом ты - единственный живой подросток, с которым мне интересно, что будет дальше.

— Про некромантию, стало быть, не шутка? «Единственный живой»...

— Вот опять! Я думала, что ты обидишься на трупа, но нет! Ты и в шахматы играешь также. Каждый раз иначе поддаешься!

— Я бы обиделся на трупа, без проблем, но ты - живая девочка, тебя кормить не забывают.

— Когда слова, которые меня определяют, запретят, они забудут про коробку с кошкой. Кормят только чемпионку, Слава. Меня остальную просто никто не видит.

— Почему же? Я вижу.

— Раз в неделю по четвергам?

— Если тебя можно увидеть в пятницу, покажи, как туда попасть.

— Все время по прямой, не сворачивай. А почему именно пятница?

— У меня семь пятниц на неделе, выбирай любую.

— Иными словами, ты свободен каждый день?

— Предпочитаю не обременять себя обязанностями.

— Счастливчик! Тогда увидимся. А сейчас пора мне, скоро отец приедет. Ему лучше не знать, что я общаюсь с кем-то... оттуда. Я не называю там свою фамилию и не делюсь контактами.

— Мудрое решение, учитывая липкое наставничество. Мне бы надо тоже псевдоним, скафандр и обруч.

— Обруч?

— Ты хоть раз видела, чтобы Сатурн кто-то наставлял? Я - нет.

— А я задумуюсь, пожалуй, обруч - это выход.

— Пока!

— До скорого!

И вот тут мне бы настоять и назначить встречу. Торопясь от меня отделаться во избежание сцены, она бы не успела отказаться или отложить решение вопроса. Она бы выдала мне первое свободное окошко просто потому, что думать некогда. Но пока я мучительно подбирал

слова и мялся, ее взгляд тревожно заметался от авто к авто, и я был вынужден капитулировать, довольствуясь неопределенными надеждами. Я поспешил к метро, но лишь удостоверившись, что Маша села в черную иномарку и затерялась в толчее машин.

Я не «ку-ку» и не «совсем уже», у меня были поводы для беспокойства. Точнее к тем, что были, еще прибавились. За эти месяцы я пару раз заметил настораживающую картину. Маша шла как ни в чем не бывало, говорила или играла, не столь важно, но вдруг ей набирал или писал некто, и реальность по ту сторону экрана вырывала ее из привычного контекста. Резко менялось настроение, едва ли не дрожали руки, разливалась мертвенная бледность по лицу. В глазах я ясно видел загнанное выражение кошки, застрявшей между веток и людей, которым до ее беды нет никакого дела. Я мог бы все это списать на так себе роман, ведь в шапке ее профиля стоит «Все сложно», что предполагает наличие отношений и отсутствие уверенности в них. Но как быть с тем, что иногда и будто бы украдкой ее забирала серая иномарка, не имеющая даже отдаленного сходства с черной - отцовской, это я уже тоже выяснил. «Серая» вела себя странно: ехала окольными путями, пряталась подальше от открытых и просматриваемых мест, не заезжала через шлагбаум ее дома, обложившегося камерами и заслонами. Конечно, мне могло привидеться, но «серая» как будто избегала наблюдателей и зевак, боясь разоблачения не меньше моего. Да, у меня богатое воображение, я мог приписать ей свои страхи и мотивы, но в ее существовании сомневаться не приходится. И если папу я увидел сразу, он выходил и вел себя открыто, как хозяин положения, которому незачем скрывать свое присутствие где-либо, то водитель «серой» был неуловим и никогда не покидал водительское кресло, во всяком случае, при мне. И я не мог подобраться ближе, потому что он всегда находился в неудобном месте, где риск быть узнанным не стоил свеч неожиданных открытий. Все чаще я ловил ее ответный взгляд, заинтригованный и любопытный, мне стоило трудов сохранять инкогнито и продолжать свое наблюдение. Я не мог следовать за ней вплотную и уж тем более не смел сокращать дистанцию, когда подозревал встречу с «серой». В те моменты она была вся на нервах и так часто оглядывалась, что я сходил с ума от подозрений и мрачного предчувствия беды. Всякий раз, когда она садилась в салон быстрым движением искры, я чувствовал, что происходит нечто странное и опасное, как... падение? У меня внутри что-то падало и сжималось, хотя я не смог бы назвать внятную причину для волнений. Ничего «такого» я там не видел. Ничего особого не случилось. Разве что не очень хорошо, что иномарка прячется и приезжает бессистемно, как будто графика работы и учебы у нее нет. «А хорошо ли, Слава, что она не забирает и не высаживает ее в одном и том же месте? Ты не заметил сходства с другими ее прогулками, о которых никто не знает?» - все эти вопросы изводили меня неделями, но так ни к чему и не привели. В конце концов, почему бы ее парню не быть взрослее? Почему бы ее парню не быть с машиной? Почему бы им не видеться без лишних свидетелей и фальшивого блеска соцсетей? Не в парке же гулять им, в самом деле, не фотки же с букетами выставлять. У взрослых мужчин с машинами нет времени на всякие пустяки. Какое я имею право их судить и отслеживать? Да, я вижу в его способе ухаживать за девушкой повадки шулера: изменчивость и скрытность, настойчивое избегание глаз и явный мандраж соперницы, неравной и уязвимой. Но, откровенно говоря, я так хотел бы оказаться на его месте, что меня никак нельзя назвать бесстрастным наблюдателем и объективным человеком. Типа беспокоюсь я о девочке, слежу за соблюдением морали и ношением закрытых купальных костюмов. Ага, щас! Да мне обидно просто, что роль Ромео отдана другому, тому, кто старше, опытнее и сильнее, тому, кто может что-то предложить без дрожи в области колен. И правильно она сделала, что согласилась. Ей нужен состоятельный и властный, как отец. Чтобы кулаком по столу и пошла лечиться. Я ведь этого полгода добивался, а тут раз и дело сделано! Мое неодобрение вкупе с мерзким послевкусием от их свиданий - это всего лишь зависть, не подкрепленная ничем, кроме иллюзий, допущений и предположений. Какой парень? Я даже не могу уверенно сказать, что за рулем мужчина. Я его не видел и этим все сказано. Я его придумал, как девушку, за которой я хожу

без каких-либо высоких ожиданий и далеких перспектив. Хожу, чтобы она себя сегодня не убила. И если «серая» помогает ей, неважно, кто внутри. Но если «серая» ей мешает... Ведь кто-то же звонит ей посреди занятия и заставляет сбросить все настройки безмятежного лица до заводских, в которых отражается лишь страх без неизвестностью, неизбежностью и невозможностью. Он это или нет? Хорошо это или плохо? Блядь! Почему в учебниках нет ни слова о том, с чем я столкнулся в реальной жизни? Я знаю, как вести себя во время извержения вулкана, но я понятия не имею, куда бежать, если подростка забирает иномарка, а там - не папа.

Вот почему я потерял терпение, голову и бабушкины сбережения, оплатив тот же реабилитационный курс, который, как я выяснил случайно, нашел для нее отец. Все дело в том, что снег растаял по весне и обнажил секретные маршруты мятежной пленницы, влекомой в самую гущу парка. Буря прогремела внезапно, как канонада в приключенческом романе, и положила начало долгому домашнему аресту, когда я лез на стенку от беспокойства, нежности и лезвия абстинентного синдрома. Как было плохо ей - я даже не пытался предположить. Обмен надписями на книгах, который было убедил нас, что мы не одиноки и даже немножко поняты, оборвался молчанием и тоской. Она не покидала высокой башни, опоясанной драконами и рвами, а принц наворачивал круги вокруг неприступной крепости и гадал, когда же ей позволят покинуть свою темницу. Надежды на прорыв не было. Официально Слава ее не знал, его бы к ней не пустили. Еще чего, она же под арестом! А добрый самаритянин... Она бы сама его выгнала, не колеблясь и не гнушаясь пыткой. Принцесса думает, что ее погубило его проклятие. Но есть один нюанс...

Глава 5

«Ты не ахуел? С чего ты взял, дятел, что можешь вмешиваться в мою жизнь и строить из нее руины? Она и так по швам и ты еще со своими правками! Какого хрена ты меня спасаешь? Я тебя об этом попросила? Я тебя вообще не знаю, что ты творишь? Ты кем себя возомнил? Придурком? Красавчик, очень натурально получилось!»

Кто дал тебе такое право - выбирать, что лучше для меня и для моих коленей, рук, голоса, о которых ты, рискну предположить, понятия не имеешь! Я не пособие по анатомии, не герой воспитательного романа, не брошенная кошка у метро! Я не принадлежу тебе, ты понял? Я сама, блядь, разберусь, вдохнуть стекло, разбить или выбросить, мне самой надо развязать узел, а иначе он снова свяжется и вы не успеете, не успеете, понимаешь? Не надо мне подсовывать чужие руки! Я не девочка без них, справлюсь! И вообще я удивляюсь, если ты все это прочитал, как ты не допер еще до мысли, что ошибка - это выражение себя, это способ сказать «Я есть!», пусть и не такой породистый, которого вы хотели! Не такой удобный и правильный, не такой пушистый и белый, извините, блядь, и оставьте меня в покое! Я не могу охотиться за вашим одобрением, пока проходит моя жизнь, короткая, безвозвратная и плохая, ведь «не такая, какой она должна быть». Кому должна-то? Тебе, что ли? Ты кто такой, дядя, и что тебе нужно от этой девочки?

Теперь у меня в комнате шмон, разброд и шатание. Искали то, что не нашли благодаря тебе. На книги так никто и не взглянул. Зачем? Они, наверное, и так все знают, что на корешках написано. Ты будешь счастлив, зная, что влетело мне по первое число. Отец впечатал меня в стену и не размазал лишь потому, что ничего не смог найти и доказать как следует. Но запах сигарет и пачка сильно меня подставили, так что «все равно за дело, должна понимать». А из больницы ему выслали отчет: «По меньшей мере представление имеет». Спасибо, блядь, тебе за доброту и понимание! Что б я делала без твоей заботы? Наверное, гуляла бы, несчастная, без побоев и отформатированного смартфона, с которого даже календарь стерли? Теперь сидеть мне здесь, в четырех стенах, и ахуевать от боли. Одной. И хер знает, сколько времени. Доволен?

Я-то думала, ты нормальный парень. Пусть и выдуманный мной тип, от начала и до конца, я не знаю ведь, как ты выглядишь и кто ты вообще такой, может, ангел-хранитель для некромантов, может, точно такой же псих, может, супергерой для Тушино, может, друг. Но я верила,

правда, верила, что ты сможешь меня понять и не будешь копать мне, амфоре, нишу в земле с червями. Не будешь меня закапывать между грядок, чтобы из битой и старой амфоры вырос нормальный пластиковый кувшин для полезных нужд, и мы вместе пойдем в «Твой дом», чтобы заживо сдохнуть в нем! А ты вот как, нашел решение. Просто сдал меня, как в приют, и надеешься, что поймут. Не выйдет! Зато теперь ты можешь выдохнуть и не бояться, что я приду и возьму не книгу. Теперь я отсюда вообще не выйду, рад за меня? Доволен? Абсолютный покой развороченной с корнем комнаты. Идеальная безопасность замкнутого пространства, по форме напоминающего круг. Чудесные вечера с семьей, наполненные упреками и агрессией. Теперь мне намного лучше! Я здорова и счастлива, молодец! А побои и отходные без ничего - это просто строчки, написанные вручную. Ты и сотой доли из них не чувствуешь, так ли, добрый самаритянин? Или что-то все-таки покалывает в глазах? Хочется поднять их и плакать себе вовнутрь, чтобы никто не видел. И не узнал, какой же ты мудака, что так поступил со мной».

Первое, что я бы ответил ей, если б мог: «Ну что ты, не скромничай, мне еще ни разу в жизни не было так больно». А второе: «Я этого не делал!». А кто? Ответа у меня не было. Я понятия не имел, как ее родители узнали, кто им написал или позвонил. Признаю, в минуты мрачного уныния, которые настигали меня все чаще, я думал об этом выходе, как о входе, как о возможности ей помочь и повесить на гвоздь карнавальные платья. «Очевидно же, - я говорил себе, - что она меня не послушает и продолжит, что мои попытки - игра влюбленного и трусливого с тем, что его сильнее. Я не спасу ее своими книгами и словами. Этим должны заняться профессионалы, этим должны заняться близкие, а как же, сука, они этим заниматься будут, если даже не догадываются ни о чем таком?». Но в эти смутные мгновения я не переставал тревожиться о ней, о том, что будет, если они узнают. Не все родители готовы это воспринять и адекватно среагировать. Я о ее отце и матери так мало знал, что не рискнул бы грубо нарушить их границы и вывалить всю эту информацию на стол, нате, мол, давитесь. Я ведь даже не мог сказать, почему она это делает, в чем причина. Может, в них? И теперь я понял, что не был далек от истины в этом предположении. Господи, неужели он правда ее избил? Как такое вообще возможно? Мой родной отец в запое который год, но он пальцем меня не тронул. Мы живем, как соседи, которым давно уже нечего сказать друг другу. А здесь... состоятельный человек, дорогая машина, шикарная квартира в новом доме. Я думал, «неблагополучная семья» - это безденежье на языке Эзопа, а оказалось то, что оказалось: жестокость может быть в красивой упаковке. Отец, который так солидно смотрится на фотографиях, бросает портмоне, снимает галстук и толкает дочь в стену, чтобы она узнала: жизнь без «некромантии» прекрасна. Какое же это блядство... У тебя есть другое слово? Поприличнее, поглаже? Окруженное слоем толстого перла? Ну валяй, меняй, если совесть позволяет. Меня так ранили эти строки с игольчатými наконечниками и отравленными остриями, что я немного умер, пока читал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.